Туркменская искра
г. Ашхабад
25 июл 1987

ИСКУССТВО

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Маягозель Аймедовой присвоено звание народной артистки Советского Союза.

Туркменский театр знает немало выдающихся мастеров сцены, чьи имена составляют гордость и славу не только национального искусства. Свое достойное место в этом блистательном созвездии талантов вот уже многие годы занимает Маягозель Аймедова, актриса театра и кино. Благодарные зрители помнят лучшие сценические и экранные роли, созданные Аймедовой за четверть века творческого подвижничества. Об этих работах, одухотворенных глубоким чувством и плодотворной мыслью, в свое время много писали, их отмечали наградами жюри различных фестивалей, государственными премиями. Поэтому нет нужды сегодня подробно говорить об этих творениях Аймедовой. Разве только напомнить, что среди созданных ею образов на сцене и на экране — мать юного Ленина Мария Александровна из «Семьи» И. Попова и Огулькейик из «Невестки», принесшая актрисе мировую славу, неистовая испанка Долорес из драмы К. Чапека «Мать» и несломленная Джамал из фильма «Дерево Джамал», шекспировская Дездемона и одухотворенная идеалами революции Артыкгуль из картины «Когда женщина оседлает коня»... Какие разнохарактерные образы! Какой поистине неохватный диапазон душевных чувствований и личностных воплощений, какая радужная палитра цветов, оттенков и полутонов у дарования актрисы... Нет, не случайно Маягозель Аймедову жюри различных кинофестивалей (всесоюзных и международных) четырежды признавали лучшей актрисой, вручая ей дипломы за лучшее исполнение женской роли. Заметим, что этого стойкого признания пока удостоилась единственная в мире киноактриса.

М. Аймедова — художник активной гражданской позиции и большого общественного темперамента. Многие годы она возглавляет партийную организацию тюза, где работает со дня открытия театра. Аймедова — член ЦК КПТ, депутат Верховного Совета республики, избиралась делегатом XXIII съезда Компартии Туркменистана и XXVII съезда КПСС.

Наш нештатный корреспондент Хабиб Гусейнов встретился с народной артисткой СССР Маягозель АЙМЕДОВОЙ.

Любовь моя и боль моя...

— Я РАДА случаю через вашу газету, — сказала она в беседе, — поблагодарить всех, кто в эти дни поздравил меня с новым званием.

Народная артистка Советского Союза... Звание, действительно, очень высокое. Такое, что оглянуться назад с этой вершины страшновато: а много ли я успела сделать в искусстве? Да, были у меня и на сцене, и в кино роли, принесшие подлинную творческую радость, огромное удовлетворение. Но (я говорю об этом без ложной скромности, скорее — с печалью) гораздо больше осталось в планах, в раздумьи. Еще больше — в мечтах. Не воплотилось в дело — в сценические и экранные образы. Или не так воплотилось, как хотелось бы...

Да, не все и не всегда зависело от тебя. Порой не было выбора, а, напротив, было много суетности, всяческих «привходящих» обстоятельств, далеких от творчества. Актер, наверное, — самое ранимое и самое зависимое существо в театре, а тем более — в кино. Но, как с горечью заметил Твардовский, — все это так, и все же, все же, все же... Все же ты — художник. А в наше время и в нашем обществе подлинный художник должен, обязан быть гражданином. Должен обладать тем высоким социальным и нравственным потенциалом, который не может позволить ему быть в стороне от борьбы, занять самую бесперспективную и уязвимую позицию — «над схваткой». Творческое раскрепощение актера, в котором пластически воплощаются, в конце концов, идеи автора и замыслы режиссера, — одна из главных задач театральной реформы, которой мы, работники сценического искусства, живем сегодня.

ПЕРЕСТРОЙКА... Это понятие, наряду с гласностью и демократизмом, пожалуй, наиболее популярное в наши дни, вобрало в себя все то, чем живет народ, одухотворенный решениями XXVII съезда и январского (1987 года) Пленума ЦК КПСС. Перестройка — не расхожий лозунг, не очередная кратковременная кампания, на которые, к нашей общей беде, было так щедро время застойных явлений. Страна, говорил М. С. Горбачев, выстрадала перестройку. Так некогда великий Ленин сказал об Октябре: Россия выстрадала революцию. Выстраданная нами, нашей страной перестройка революционна по своей глубинной сути, она призвана в ближайшие годы качественно преобразовать все сферы экономической и социально - нравственной жизни нашего общества. Борьба нового с устаревшим, с инерцией мышления, отказ от привычных, но сегодня ставших бесполезными схем и подходов — дело далеко не простое. Требуются ломка сознания, новые организационно - творческие методы работы.

Так может ли сегодня стоять в стороне от всего этого художник — писатель, артист, музыкант, режиссер, чей творческий труд должен «вливаться в труд моей республики»? Не может, не имеет права!..

А между тем на недавних съездах и пленумах наших творческих союзов, на бурных собраниях в театральных коллективах слышались справедливые упреки: кинематограф плодит серые фильмы, театр теряет зрителя, литература замкнулась в кругу привычных тем и обветшалых схем, драматургия топчется на месте — ни свежих пьес, ни свежих имен...

Правда (и об этом надо всем нам задуматься всерьез), на наших диспутах не обошлось, как говорится, без «загибов», без перехлестов. К сожалению, было много демагогической пены, нередко с трибун звучали огульные, бездоказательные обвинения в адрес настоящих, работящих художников слова и кисти. Но, повторяю, резкая и доказательная критика в условиях демократии и гласности, прозвучавшая на недавних дискуссиях и в печати, была, в основном, справедливой. И поэтому, говоря о серьезных недостатках в жизни творческой интеллигенции республики, я не сгущаю краски. Я просто намеренно заостряю ситуацию, чтобы все мы поняли: мы люди творческого труда, еще находимся в тенетах благодушия, привычного устаревшего мышления, еще не приступили к перестройке в главном — к к перестройке себя, своего сознания, своего вчерашнего отношения к жизни, к своему творчеству.

В ИСКУССТВЕ необходимы открытия, пусть хотя бы самые маленькие, — это условие его развития, движения вперед. Открытия — редкость. В последние месяцы я живу под впечатлением грузинского фильма «Покаяние». Это — вершинное явление не только советского, но мирового искусства. Фильм потрясает горькой правдой, смелостью художнической позиции. Это — потрясение, то самое, чем должно заниматься искусство. Очищение через страдание — тот знаменитый катарсис древнегреческой трагедии, который приобретает новый смысл и новое — гражданственное — содержание в нашем искусстве и в наши дни.

Но где наше «Покаяние»? Хочу быть правильно понятой: я не за повторение тем, образов, приемов, ситуаций знаменитой ленты: копиисты и искусство — понятия, на мой взгляд, резко противостоящие. Я говорю о масштабе мысли и глубине чувств, о яростной приверженности правде и убежденности в неизбежной победе, в торжестве добрых начал — в человеке, в природе, в жизни... Разве нет у нас острых социальных и нравственных проблем, разве мы не свидетели коррупции — действующих лиц «ташаузской драмы»? Разве не оглушительной бедой вошла в нашу жизнь наркомания среди части нашей молодежи — ведь гибнут наши дети, а наживаются на их здоровье и нашем горе люди без совести и чести?!.

А гибель плодородных земель в зоне Каракумского канала из-за нашей бесхозяйственности, а уничтожение уникального Кара-Богаза?.. Не мне, актрисе, «открывать» темы, которые, как говорится, носятся в воздухе, просятся в книги, драмы, на экран. Так что же вы, друзья мои, где же вы?.. Время от слов о перестройке, от демагогически выспренных обвинений друг друга с разных трибун, от бесплодных заклинаний и заверений перейти к делу.

В этой связи я с особенной горечью думаю о судьбе нашего театра — не только тюза, в котором работаю, но и всего туркменского национального театра. И вот почему. Национальный театр без умной, талантливой и социально значимой национальной драматургии что птица без крыльев, простите за банальное сравнение.

Вот наш тюз недавно поставил «Ящерицу», высоко оцененную зрителями и восторженно встреченную прессой. Она с успехом прошла на недавнем фестивале молодежных театров в Тбилиси, была показана по Центральному телевидению. Спектакль, действительно, талантливый, тонкий, проблемный, социально значимый. «Ящерица» — пьеса замечательного советского драматурга Александра Володина...

В разные годы лучшие наши спектакли ставились по пьесам Чехова, Шекспира, Островского, Погодина, Айтматова, Мустая Карима, Мольера, Арбузова... И это славно! Туркменский театр всегда обращался — и обогащался при этом! — к русской и мировой классике, к лучшим произведениям многонациональной советской драматургии. Мы и впредь будем приникать к этому неиссякаемому источнику мыслей, образов, конфликтов. Но как жить национальному театру — жить полнокровно! — без столь же глубокой и содержательной национальной драматургии? Где же туркменские «Диктатура совести», «Серебряные свадьбы», «Говори...», «Рядовые», так потрясшие всесоюзного зрителя в последние два-три года?.. Вместо этого плодятся однозначные пьесы-однодневки, милые пустячки или плоские сценические фельетоны, жизнь которых короче эфемерного века ночной бабочки. Этот горький упрек я адресую и отдельным драматургам, и Союзу писателей, и репертуарной коллегии Министерства культуры ТССР. (Оговорюсь: одна-две пьесы, более или менее интересные театру и зрителям, не делают погоды в пяти национальных театрах республики, годами живущих на голодном пайке).

...Вот и сейчас, с радостью приступая к новой сценической работе в родном театре, я невольно думаю: жаль, что такого масштаба и глубины образа не предложил мне туркменский драматург. Дело в том, что мне поручена роль королевы Гертруды в шекспировском «Гамлете», который ставит у нас талантливый режиссер Байрам Сейдуллаев. «Гамлет»—и туркменская драматургия?! — иронически улыбнется читатель. Но это же, по слову Белинского, наивные «литературные мечтания».. А почему бы мне, актрисе, и не помечтать о большой и яркой роли нашей современницы-туркменки в пьесах моих соотечественников? Да, любовь и боль моя — театр: столько он дает радости, творческого удовлетворения и столько приносит разочарований и огорчений.

НО МЫ ЖИВЕМ в новое время. От каждого из нас зависит, чтобы с каждым днем в жизни страны, в жизни нашего народа было все больше радостей и все меньше бед, лишений, огорчений. Перестройка всех сфер жизни — дело нелегкое, нескорое, но возможное. И необратимое, если принять идеи перестройки всей душой и работать на совесть, а не просто пристраиваться к перестройке. Работать в полную силу всем. И в первую голову — нам, людям искусства, призванным быть застрельщиками перестройки мышления, всей нравственной сферы жизни общества.

Ибо и ныне, как всегда, с тех дней, как вертится Земля, трещина мира, по слову поэта, проходит через сердце художника...

Вот несколько разрозненных, непраздничных мыслей в столь радостные для меня праздничные дни.